

СЕРГЕЙ СКУРИХИН
КОПЕЙКА. ЗАВЕРТЬ

Мир Синего Солнца

Сергей Скурихин
Копейка. Заверть

«Автор»

2020

Скурихин С. Л.

Копейка. Заверть / С. Л. Скурихин — «Автор», 2020 — (Мир Синего Солнца)

«Копейка. Заверть» — вторая книга цикла «Мир Синего Солнца», прямое продолжение сюжетной линии книги «Копейка».

© Скурихин С. Л., 2020

© Автор, 2020

Сергей Скурихин Копейка. Заверть

1

На поиски гаража для «копейки» и её передислокацию у меня ушло две недели. В пяти километрах за городом находились заброшенные ремонтно-механические мастерские. В советское время они обслуживали сельскохозяйственную и автотранспортную технику местного колхоза, в который входили несколько окрестных деревень. Теперь от колхоза осталась лишь фанерная табличка на полусгнившем здании правления, а брошенные деревенские дома мёртво палились пустыми глазницами окон на поля борщевика. Для обеспеченных горожан это загородное направление считалось непрестижным, поэтому коттеджная застройка миновала его стороной. Меня же это безлюдное место устраивало полностью.

Владел РММ один измелъчавший бизнесмен. В своё время он по дешёвке приобрёл этот участок вместе со строениями, но его надеждам перепродать потом землю втроедорога не суждено было сбыться. Ему пришлось законсервировать объект и, крепясь сердцем и кошельком, годами платить в казну налоги на землю и недвижимость. Телефон его я нашёл на сайте объявлений в разделе о продаже готового бизнеса. Там эти ремонтные мастерские были указаны основным активом в составе высокодоходного холдинга, а необходимость их продажи объяснялась переездом собственника в другой город.

Я связался с владельцем и предложил ему пообщаться на предмет долгосрочной аренды РММ. После звонка мы с ним встречались дважды, оба раза на его квартире. И этих встреч стало ясно, что Вадик, так звали бизнесмена, уверенно спивается, поэтапно переходя на более дешёвые сорта алкоголя. Он сразу же сделал мне сказочную скидку на покупку всего бизнеса, но, видя мою непреклонность, согласился сдать в аренду только мастерские. Поторговавшись, мы сошлись на приемлемой для меня цене. Когда же я сказал, что не настаиваю на заключении договора, то Вадик просто расцвёл. Он предложил немедленно скрепить сделку испанским вермутом из мутной бутылки с кривой наклейкой и винтовой пробкой. Видимо, моих денег за неофициальную аренду Вадику должно было хватить на текущие налоги и алкоголь, чем и объяснялась его радость. Но от выпивки я вежливо отказался. Мы договорились, что платить я буду вперёд за месяц ему на карту. И я через мобильный банк перечислил первый платёж, после чего Вадик отдал мне ключи от боксов РММ.

Недостаток у этих мастерских был только один: таксисты упорно не желали туда ехать, а если соглашались, то загибали двойную цену в один конец. С приобретением велосипеда этот вопрос, конечно, утратил актуальность, но первое время мне пришлось разоряться на «шашечки». Впрочем, я довольно быстро нашёл частного, который за тройную цену на круг возил меня туда и обратно.

Мастерские, окруженные мёртвыми полями, смотрелись сиротливо и убого. Зато сами боксы внутри были высокими и просторными, с эстакадами и смотровыми ямами. А вот станки и прочее ремонтное оборудование тут давно растащили на металлолом. Мне чудом удалось найти ржавую печку-буржуйку, заваленную промасленной ветошью. Похоже, кто-то и когда-то готовил её на вынос, но что-то пошло не так. находка эта была очень кстати, ведь приближались холода. Я поставил буржуйку в кирпичном закутке, где раньше сидел начальник РММ, а печную трубу нарастил из подручных материалов и вывел в окно. За небольшую доплату Вадик разрешил на растопку пускать остатки деревянного забора, толку от которого всё равно никакого не было.

В бокс, соседствующий с отапливаемым закутком, я и привёз свою «копейку». Мою липовую доверенность на машину автоэвакуаторщики особо не разглядывали, их больше интересовали бумажки с видами Хабаровска и Ярославля. Площадь самого бокса и подъездной путь

к нему были выложены бетонными плитами. На удивление, поверхность их была ровная и без серьезных перепадов. Хоть и прилагая немалые усилия, но я мог один на нейтральной передаче закатить и выкатить «копейку». Запускать её внутри бокса я не решался. Мешали прочно засевшие в моей голове ассоциации «копейки» с ракетой. Для успешного запуска надо мной должно было быть открытое небо, а выше него только звёзды!

Приобретение велосипеда тоже прошло как нельзя лучше. Его хозяин, обрадовавшись несезонному покупателю, скостил цену и добавил существенный бонус – комплект зимних шин! В сложенном виде велик влазил на заднее сиденье «копейки», но его размещение на нём было тем ещё «тетрисом». В общем, обкатка велосипеда прошла успешно, и в дальнейшем он меня не подводил.

Как и планировал, с работы я уволился. Коллеги, конечно, недоумевали по поводу моего решения и подозревали, что я собираюсь податься в столицу на поиски лучшей жизни. Разуверять их в этом я не стал. Забрав документы и деньги, я без отвалной исчез из офиса, словно меня здесь никогда и не было. Я по-прежнему предполагал, что могу быть опасен для людей и число контактов с ними свёл до необходимого минимума. Даже в магазин я ходил один раз в две недели, затариваясь продуктами и средствами гигиены на весь этот срок. Впрочем, есть я стал мало и очень исхудал. На родной планете силы почему-то оставляли меня. Те же полтора часовые велосипедные рейды давались мне с большим трудом. И лишь на Траве я, словно от синего солнца, подзаряжался энергией!

Первые «прыжки» я всецело посвятил исследованию Бункера. Правда, мне довелось изрядно побегать, чтобы его найти! Дело в том, что местоположение «копейки» на Траве также изменилось. Теперь она вставала в той самой ложбине со срезанными наростами, в склоне которой находится вход в Бункер. Для начала мне пришлось выбраться из ложбины и подняться по склону пологой возвышенности, чтобы найти бугры-наросты со своими маркерными метками. А потом, забирая влево, я вновь спустился в ложбину и медленно пошёл вдоль её склона. И так я передвигался, пока не нашёл вход в Бункер. Его дверь, как и раньше, бесшумно раскрылась передо мной!

Как выяснилось, относительно предыдущей локации «копейка» сместилась на триста метров назад. Зато вход в Бункер теперь был от неё в ста пятидесяти метрах по прямой, и этот короткий путь пролегал по дну выровненной ложбины. Это было очень удобно. Казалось, «копейка» опять подсказывает мне решение: «Займись Бункером!»

И я занялся! Вооружившись рулеткой и линейкой, я стал в масштабе чертить план Бункера на миллиметровке. Сооружение оказалось больше и сложнее, чем мне показалось в предыдущий раз. Впрочем, торопиться мне было некуда, и этой большой и интересной работе я мог отдать всё своё время. Я мог несколько земных дней работать в Бункере, пока не закончатся запасы бутилированной воды. Но от длительного пребывания здесь меня останавливал страх за «копейку». То, что она смогла тогда завестись после четырёх дней на пекле, ещё не означало, что её можно постоянно эксплуатировать в таком режиме. Из письма Ольги Николаевны я помнил, что Евгений Петрович не успел создать контур тепловой защиты, так как «прыжки» совсем подкосили его здоровье. А значит, я не мог подвергать риску техническое состояние машины. Ведь я стал Ключником – хранителем самой «копейки» и её невероятной тайны!

Поэтому режим моих исследований на Траве остался прежним: два часа ночью и обязательное возвращение домой, но с пятиминутной задержкой на восход синего светила, которое должно было хорошенько зарядить батареи «Блок-3» внутри машины. На наше редкое зимнее солнце в этом деле надеяться не стоило, поэтому мне оставалось только терпеть и потеть. Впрочем, к этой регулярной «банной» процедуре я быстро привык.

Таким образом, из намеченного я не выполнил только пункт по костюму защиты от высоких температур. Но для работы в Бункере он и не требовался.

2

Ольгу Николаевну с Сашей я навестил спустя пару месяцев после нашего расставания. Жили они в двух кварталах от меня в однушке старого хрущёвского дома. Встретили они меня как доброго друга, и наша общая радость была искренней!

Всё это время Ольга Николаевна положила на выправку Саше документов и оформлении на него группы инвалидности. Для этого ей пришлось пройти через все бюрократические круги. В полиции на основании заявления Ольги Николаевны подняли архивное дело двадцатилетней давности и возбудились по-новому. А затем Ольге Николаевне и Саше пришлось пройти ряд экспертиз, включая тест ДНК. Тогда же у них родилась легенда про временную Сашину амнезию и сопутствующие ей мелкие детали. Процесс, тяжело запустившись, заметно ускорился после получения Сашей паспорта, и присвоение ИНН и СНИЛС стали уже делом техники.

А вот с получением бумажки о инвалидности возникли сложности. Хотя профильные врачи и дали заключение, что Сашины связки неоперабельные и заговорить он не сможет, тем не менее медико-социальная комиссия отказала ему в присвоении статуса инвалида. Лишь повторное медицинское обследование уже в областной клинике выявило у Саши повреждение дыхательных путей и гортани. Только после этого ему дали вторую группу с диагнозом: хроническая легочная недостаточность. И наверное, тут сложились в одно сразу несколько факторов: и мелодраматичность истории про старушку-мать, которая спустя десятилетия чудом нашла беспамятного сына; и состояние здоровья Саши; и его внешний вид.

За это короткое время на Земле Саша постарел так, будто он прожил здесь много лет. Всё его лицо изрезали частые глубокие морщины. Он был по-прежнему без единого волоска, и вес ему набрать также не удалось. Со стороны Саша выглядел как тяжелый алкоголик или наркоман, которого удалось удержать в шаге от пропасти. Из-за худобы мы стали с ним похожи, но смотрелись уже не как ровесники, а скорее как сын рядом с отцом.

Благодаря усилиям Ольги Николаевны, Саша стал понимать на слух даже быструю разговорную речь. Но в ответ он мог только кивать головой или писать короткие предложения, состоящие из трёх-четырёх членов. После этого Ольга Николаевна смогла пристроить Сашу в местную управляющую компанию подсобным разнорабочим. Когда у коммунальщиков не хватало рук на уборку мусора или погрузку-разгрузку, то они посылали за Сашей. Платили ему за это символически, но Саша соглашался на любую грязную работу, если она была рядом с домом. Он всё ещё опасался далеко отходить и боялся открытых пространств. А на вырученные деньги Ольга Николаевна покупала для Саши шоколадные батончики, и это стало у них своеобразным обязательным ритуалом. Пенсии Ольги Николаевны и Сашиного пособия по инвалидности им хватало в обрез на квартплату, продукты и лекарства. Поэтому тёплые вещи, которые я принёс для Саши, были очень кстати.

Через месяц Саша пришёл ко мне сам. Ему пришлось побороть свой страх перед городом, а его наблюдательность, выработанная на Траве, не дала забыть дорогу до моего дома. Звонок домофона раздался будним днём. По звукам больше похожим на помехи в линии связи я понял, что пришёл Саша. Когда он вошёл и посмотрел на меня, то я увидел лицо старика, на котором застыло почти детское выражение беспомощности перед случившимся горем. Я быстро оделся, и мы пошли к нему.

Незадолго до смерти Ольга Николаевна сняла со сберкнижки все деньги. На них мы её и похоронили. Жаль, но положить её рядом с Евгением Петровичем не было уже никакой возможности. За эти несколько месяцев у его могилы выросли неровные ряды свежих оградок, в которых даты на памятниках и табличках молчаливо опровергали бодрые отчёты Минздрава. Местечко для Ольги Николаевны нашлось в соседнем кладбищенском квартале. На глинистом пяточке мёрзлой земли, отведённом под захоронение, рос куст дикой смородины. Я доплатил похоронной бригаде, и они сохранили этот куст, обрубив только его нижние ветки. На могиле

Ольги Николаевны работники кладбища поставили металлический крест, а вокруг него невысокую оградку. И помянув обоих стариков, мы вернулись в город.

3

Сашу я забрал к себе, оставлять одного его было нельзя. Коммунальщикам и соседям Ольги Николаевны я, представившись троюродным племянником, оставил номер своего телефона и сообщил, что Саша пока поживёт у меня. На самого Сашу тогда было больно смотреть: после стольких лет испытаний его радость от обретения родного человека оказалась такой короткой. Внешне он ещё сильнее высох, а внутренне полностью ушёл в себя. И «вытащить» мне его оттуда удалось только тогда, когда я сказал, что хочу взять его с собой на Траву. В его потухшем взгляде зажглись искорки жизни, а память о далёкой планете вновь стала наполнять эту жизнь смыслом!

Спальное место для Саши я определил на кухне и выделил ему надувной матрас. Наверное, это выглядело не очень гостеприимно, но терпеть «ультразвук», издаваемый им во время сна, было выше моих сил. В ночь перед «прыжком» мы, как правило, не спали. А лечь спать заранее в нашей звукопроницаемой многоэтажке не имело толку. Поэтому отсыпались мы уже по возвращении с Травы.

Саше я тоже купил складной велосипед, чем наверное несколько подправил региональную статистику продаж данных товаров в зимний период. Выезжали мы из города всегда засветло, потому что большая часть пути до наших РММ проходила по второстепенной дороге, на которую нужно было съезжать с трассы. После развала колхоза эта узкая дорога перестала освещаться, а электрические провода между фонарными столбами были давно срезаны. Изредка снег с дороги счищал в один проход неизвестный нам тракторист-энтузиаст. Мотивы, которые двигали этим человеком, оставались нам неведомы, но мы были ему заочно благодарны за эту неоценимую помощь!

Мы добирались к мастерским до темноты и первым делом занимались отоплением бокса. Я растапливал буржуйку, а Саша шёл доламывать многострадальный забор. Заготавливали мы дрова всегда с запасом, и к следующему «прыжку» очередная партия досок успевала в боксе подсохнуть. За боксами мы нашли ещё две металлические бочки с проржавевшими стенками и днищами. Их мы разместили в двух метрах от капота машины и прямо в них разводили костры. Вскоре наша походная одежда была вся пропитана дымом, но мы уже сами настолько привыкли к этому запаху, что перестали его замечать. Это были мелкие издержки для решения главной задачи: не допустить выхода из строя энергосистемы «копейки» под воздействием низких температур. На время «прыжка» мы в бочки подкидывали дрова, и после возвращения с Травы топили ещё пять-шесть часов до нашего отъезда в город.

А в городе нас, похоже, принимали за странных эко-отшельников, которые всё никак не могут полностью оторваться от благ цивилизации и вынуждены периодически возвращаться к месту прописки. Наш внешний вид, не говоря уже о запахе, прозрачно намекал на маргинальность, поэтому сограждане общения с нами не искали, а наоборот, избегали его. Мы, в свою очередь, стояли на тех же позициях и вели себя тихо и пристойно. Так нам удалось какое-то время находиться в равновесии с социумом.

В одну из ночей перед «прыжком» мы сидели в закутке бокса, уже хорошо прогретом на тот момент. Двери у закутка не было, но я был этому только рад, ведь больше тепла доставалось батареям «копейки». В пустой дверной проём были видны причудливые блики на полу и стенах, которые оставляло пламя сквозь коррозионные дыры в бочках. И я не смог тогда удержаться от вопроса, хотя понимал, что после недавней утраты для Саши это будут особенно тяжелые воспоминания. Но я всё же спросил про тот день, когда он ребёнком потерялся на Траве.

Как ни странно, но никаких истерик с Сашей не случилось. Наоборот, он обстоятельно стал отвечать на мой основной вопрос и все дополнительные, следовавшие за ним. Для этого

ему пришлось исписать и изрисовать половину своей походной тетрадки. Я светил ему лучиной, и под её неровное мерцание передо мной снова разыгралась эта драма. Правда, смотрел я на неё глазами уже другого очевидца!

4

Из коротких предложений, рисунков и пиктограмм я пусть не сразу, но сложил в голове картину произошедшего.

В ту злосчастную ночь они находились на пологом склоне позади машины, где каменные бугры-наросты встречались крайне редко. Расстояние между Сашей и Евгением Петровичем было не более пятидесяти метров, когда начался ливень. Стена из воды мгновенно лишила Сашу возможности ориентироваться в пространстве, а первый порыв ветра сразу же сбил его с ног. Саша упал на землю, которая стала быстро превращаться в жидкую грязь. Распластавшись в этой жиже, Саша делал неоднократные попытки встать на ноги, но каждый раз оскальзывался и падал вновь. Его детские крики тонули в шуме воды и ветра. Взрослый Евгений Петрович, скорее всего, устоял под первым натиском стихии, но тоже потерял ориентацию и застрял ногами в вязкой грязи. А Саша, барахтаясь рядом, постепенно двигался вниз по пологому склону. Он не увяз, потому что его лёгкое тело стало площадью контакта с поверхностью.

Саша руками и ногами пытался найти опору для себя: вырывал пучки травы, сломал и потерял свою линейку, которой как колышком пытался затормозить. Но увы, борьбой за жизнь он только отдалялся от Евгения Петровича, оставшегося выше по склону. А грязевой поток, набирая силу, упорно тащил Сашу вниз. Если бы на пути этого селя встретился хоть один бугор, а Саше хватило бы сил на нём удержаться, то после ливня они бы с Евгением Петровичем нашли друг друга. Но Саше в этом не повезло, а повезло в другом. Поток вынес его в ложбину, которая стала к тому времени руслом мутной реки. Гребя по-собачьи, Саша пытался держаться у крутого склона в надежде ухватиться за какой-нибудь выступ и не утонуть, а течение медленно несло его тело вдоль уреза воды. Наконец, теряя последние силы и остатки сознания, Саша провалился в чёрный колодец. Похоже, это датчики входной двери Бункера автоматически сработали на открывание, распознав антропоморфный объект в зоне своего покрытия.

Очнулся Саша в круглом коридоре, стены которого источали ровное зеленоватое свечение. Влево от Саши коридор, скругляясь, уходил дальше, а справа свечение обрывалось ярким ободком во весь свод, и за ободком была уже только пугающая чернота. Саша сидел в грязной луже на ровном полу. Радость от собственного спасения быстро улетучилась, а на смену ей пришли неизвестность и страх. Саша всё сидел и ждал, наблюдая как уменьшается под ним лужа. Он ждал, что вот-вот откроется потайная дверь, что мама с Евгением Петровичем его отсюда заберут. Иначе просто быть не могло! Евгений Петрович такой умный и добрый, он так много всего знает, он обязательно придумает как его, Сашу, найти! Но время шло, а спасительная дверь всё не открывалась. Наконец, нервное напряжение достигло своего пика, и детская психика включила защитные механизмы – Саша уснул.

Когда он проснулся, то обнаружил, что лежит на чистом и сухом полу в начале круглого коридора. О недавнем потоке напоминала только грязь и остатки травы на его одежде. Ему очень хотелось есть, а ещё сильнее пить. Жажда и голод подняли Сашу с места. Нужно было узнать: что там за круглым поворотом? Саша сделал несколько робких шагов, как жуткая мысль посетила его голову. Саша представил, что округлый коридор – это ход в логово гигантской змеи, и она уже чует и ждёт его там в глубине! В ужасе Саша отшатнулся и побежал назад. И чернота за ободком расступилась перед ним, превратившись в синий плотный туман. Саше сразу стало тяжело дышать, а жар, царивший вокруг, вытапливал из организма последние остатки влаги. Саша попятился было назад, но почувствовал, что его ноги кто-то держит. Чудовища, скрывающиеся в тумане, один за другим проползли в детской фантазии, и паника полностью овладела его душой!

Он не помнил как выбрался из загустевшей грязи. Не помнил как ввалился обратно в Бункер. Но запомнил на всю жизнь эту первую свою самостоятельную вылазку. Позднее, движимый отчаянием, Саша делал ещё несколько попыток выхода из Бункера, но каждый раз попадал в душное синее марево. Так Саша пришёл к горькому выводу, что снаружи его ждёт только мучительная смерть. Значит, чтобы найти питьё и еду надо идти вглубь по коридору. Идти к той самой змее, которой, может быть, и вовсе нет.

Медленно, замирая от страха, Саша спускался вниз по спиралеобразной трубе коридора. Сколько длился этот спуск Саша не знал, он уже окончательно потерял счёт времени. Наконец, последнее скругление перешло в прямой отрезок пути, который закончился выходом с видом на противостоящую стену. И на стене этой сидела змея! Она была не гигантская, но всё равно очень большая. Ярко светясь, она уже свернулась в клубок и приготовилась к прыжку! Как кролик, парализованный взглядом удава, Саша замер перед знаком создателей Бункера. И стоял так, пока не понял, что это не змея, что это вообще не живое! А потом Саше пришлось многократно повторить один и тот же подвиг: заглядывать в проёмы и осматривать помещения Бункера! А что это было, если не подвиг? Ребёнку, которого только год назад приняли в пионеры, пришлось в страшном подземном Бункере вспомнить рассказы про Марата Казея и Валу Котика. Вспомнить и победить собственный страх!

Когда Саша нашёл помещение с гелем, то он, мучимый голодом, зачерпнул этот гель всей пятернёй правой руки и принялся его есть. Но на вкус гель был отвратителен! Сплеывая и вытирая рот, Саша только сильнее размазал эту субстанцию по своему лицу. И под действием геля Саша быстро отключился. А когда пришёл в себя, то обнаружил, что состояние его ладоней разительно отличается! На правой не было ни единой ссадины и царапины. А левая по-прежнему носила следы Сашиной борьбы за жизнь, когда он цеплялся руками за каменистый склон ложбины. Так опытным путём Саша определил анестезирующее и лечебно-восстанавливающее свойства этого чудо-геля. А когда он добрался до «пищблока», то безвкусный батончик и вовсе показался ему божественной амброзией!

В первое время своего вынужденного заточения Саша часто поднимался по спиралеобразной трубе к выходу из Бункера. Там он подолгу сидел, не решаясь выйти на поверхность. Он ждал мать и Евгения Петровича. Ждал, что взрослые исправят свою неоправданную ошибку, допущенную в отношении него. Но время неумолимо шло, а его «самодельные» молитвы всё не находили адресата. И постепенно в неокрепшей Сашиной душе поселились обида и злость на самых близких людей. Он всё реже стал подниматься наверх, стал забывать дорогие когда-то образы. А потом он просто перестал ждать.

Во время нашего «разговора» с Сашей меня всё не оставляла мысль: как за столько лет полной изоляции он не деградировал, не опустился до уровня полуживотного существования? Конечно, изучение Бункера какое-то время заставляло его детский мозг напряжённо работать. Но когда Саша исследовал все отсеки с закутками и дал им свои определения, то поток новой информации для него прекратился. И в этом каменном мешке ему оставалось только медленно сходить с ума. Не спросить об этом я не мог, и Саша поразил меня своими ответами, которые писал в тетради:

- Саша, чем ты занимался всё это время?
- Спал. Смотрел сны.
- Это понятно. Чем ты занимался, когда не спал, не ел и не ходил в туалет?
- Очень много спал. Мало ел. Мало в туалет.
- Тебе снились мама и Евгений Петрович?
- Нет. Без людей.
- Что было в этих снах? О чём были эти сны?
- Не могу сказать. Нет старых слов.
- Что ты чувствовал во сне? Тебе было страшно или, наоборот, хорошо?

- Хорошо. Тепло. Интересно. Большая голова.
- Эти сны были цветные?
- Всегда. Ещё запах и вкус. И трогать.
- Что ты трогал во сне? У чего был цвет, запах и вкус?
- Не могу сказать. Нет старых слов.
- Сны были всегда разные или повторялись?
- Очень много разных. Повторялись.
- Ты помнишь все эти сны?
- Да. Все.
- У тебя были любимые сны?
- Да. Много.
- Ты смеялся во сне?
- Не смех.
- А что?
- Хорошо. Тепло. Интересно. Большая голова.
- Ты летал во сне?
- Плавать. Летать. Ходить. Всё сразу.
- Ты сам был в своих снах?
- Я был маленький. Я был очень большой. Всё сразу.
- Почему ты вышел наверх?
- Не стало снов. Ты забрал их.
- Я забрал твои сны?
- Я так думал.
- Ты следил за мной?
- Да. Много. Я показал – уходи!
- Почему ты напал на меня?
- Ты не уходил. Я показывал тебе.
- Почему ты не бросил меня наверху?
- Вспомнил старые слова.
- Какие?
- Жизнь. Человек.
- После того как ты забрал меня к себе, сны вернулись?
- Нет. Больше нет. Другое.
- Вернулось другое? Что?
- Старые слова.

5

Мне потребовалось время, чтобы «переварить» написанное Сашей. Оказывается он боролся не за укреплённую нору, не за чудодейственный гель и не за пищевой концентрат. Он защищал своё право смотреть «волшебные» сны! И его мозг, возбуждённый этими снами, потребовал двигательной активности, когда сновидения вдруг прекратились. Тогда Саша вышел на поверхность, определив методом проб и ошибок подходящее для этого время. И в одну прекрасную ночь он в туманной дымке разглядел непрошеного гостя, который с каждым последующим разом вёл себя всё более нагло. Немудрено, что исчезновение картинок в своей голове Саша связал с моим появлением на планете, ведь я нарушил хрупкий баланс этого полумёртвого мира! Саша попытался прогнать меня по-хорошему, но его предупреждение не возымело действия. А когда я перешёл последнюю черту: нашел ложбину и отметился в ней, то разбудил уже в нём холодную ярость!

Выходило, что Сашина спячка длилась больше двадцати лет, изредка прерываясь для поддержания жизнедеятельности организма. И его окончательный выход из этого состояния каким-то образом совпал с моим появлением на Траве. Были ли эти события связаны? Не знаю. Но в начале истории с «копейкой» меня ведь тоже посещали странные, отчасти вещие сны. Только, в отличие от Саши, я мог свои сны объяснить словами. А для Саши образы и видения из «волшебных» снов стали словами НОВЫМИ, которым он не нашёл соответствия в своём детском словарном багаже! Неужели это неведомые создатели Бункера таким способом передавали Саше информацию. Вот только о чём? Об их мире? О накопленных ими знаниях? Эх, если можно было бы достать такой ментоскоп, чтобы через него хоть глазочком заглянуть бы... Но как бы там ни было, именно эти сны не дали Саше сойти с ума и превратиться в двуногое животное!

А пока Саша спал в Бункере, Евгений Петрович искал его наверху. Был ли у них шанс встретиться? Маловероятно. Евгений Петрович нескоро нашёл ложбину, и этого произошло уже после того как Саша оставил свои отчаянные попытки выбраться наружу. Конечно, Евгений Петрович мог сам наткнуться на дверь Бункера, если бы двигался вдоль склона. Но он пошёл вглубь ложбины. Характерно, что мы действовали с ним пусть в разное время, но в одной логике. Я бы тоже не стал прижиматься к склонам на местности, ведь это значительно сужает зону поиска. И похоже, что Евгений Петрович рассуждал так же. Скорее всего, насколько позволяла видимость, он осмотрел склон ложбины и пошёл от него к центру по выровненному дну. Но увы, «фокус» с автоматической дверью срабатывает только при непосредственном к ней приближении. Видимо, создатели Бункера при его строительстве тоже руководствовались старой истиной: если хочешь спрятать, то положи на видное место.

Возможно, ещё одно обстоятельство сыграло против их встречи. Когда Саша потерялся, то Евгений Петрович и Ольга Николаевна были уже немолодыми людьми. И за каждый свой «прыжок» на Траву они отдавали невосполнимую часть здоровья. Активная фаза их поисков пришлась на самое первое время после пропажи Саши, когда тот, страдая от страха, жажды и голода, сидел в трубе Бункера. Но искали его тогда в другом месте. И полагаю, что последние четыре года перед смертью уже парализованного Евгения Петровича поиски Саши практически прекратились. Ольга Николаевна с её больным сердцем просто не могла часто запускать устройство. Поэтому она так обрадовалась, увидев меня в «копейке».

Если несчастье, приключившееся с Сашей на Траве, обрело своё логическое объяснение, то его загадочные сны бредили мне душу. После того «разговора» я ещё несколько раз пытался выяснить у Саши какие-либо детали этих видений, но каждый раз получал от него один и тот же ответ: «Нет старых слов». И через некоторое время я перестал приставать к Саше с этими расспросами, и мы полностью переключились на исследование Бункера.

Вооружившись пятиметровой рулеткой, мы стали в масштабе переносить план Бункера на миллиметровку. Для этого мне пришлось лист А1 развернуть до его исходного размера. А расположились мы прямо на полу основного коридора. Добавляя на чертёж боковые помещения, мы двигались по этому коридору от его начала к концу. Работать вдвоём было удобно, особенно когда нужно было замерить длинные расстояния. И мы на несколько дней погрузились в этот рабочий ритм, пока он не прервался по независящим от нас причинам...

Видимость в ту ночь была ужасной. Сушь и концентрация пылевой взвеси в воздухе приближались к своему максимуму, и через несколько дней здесь должен будет разразиться ливень. Я поделился этим наблюдением с Сашей, и он кивнул головой в ответ. Перед заходом в Бункер Саша жестом предложил мне подняться на склон. Мы вскарабкались на него и убедились, что туман наверху стоит ещё плотнее. Я двигался за Сашей, пока он не остановился. Мы встали у того самого каменистого гребня, рядом с которым и «познакомились». И мой маркерный крест, и Сашина обманка были на своих местах. Я не понимал, зачем Саше понадобился этот ритуал у камня, но терпеливо ждал его окончания. Наконец, Саша кивнул мне и

стал разворачиваться в сторону ложбины. Я тоже, окинув камень прощальным взглядом, стал уже отходить от него, как вдалеке, слева от нас, какая-то неясная полутьма возникла из ниоткуда и сразу же прижалась к земле. А следом раздалась автоматная очередь!

Саша среагировал первым, а за ним распластался и я. И мы, не сговариваясь, поползли вниз по пологому склону. Похоже, стрелок потерял нас в тумане и не стал больше зря расходовать патроны. Надышавшись пылью, мы добрались до границы ложбины, склон которой круто уходил вниз. Вставать было нельзя, и мы «колбасками» скатились на дно. От точки нашего спуска до «копейки» было метров восемьдесят, а до двери Бункера раза в полтора длиннее. Конечно, под защитой склона путь до Бункера был более безопасным. Но что потом? Автоматическая дверь распахнётся перед неизвестным стрелком так же гостеприимно, как и перед нами. А дальше будет: раз, два, три, четыре, пять, с автоматом я иду тебя искать. Да и «копейку» одну в данной ситуации бросать нельзя!

Нам нужно было идти на риск: бежать по открытой местности до машины и эвакуироваться на Землю. Для стрелка, который находился выше по склону, мы становились хорошей мишенью, но сильный туман должен был наши шансы уровнять. Я объяснил Саше задачу, и мы рванули к «копейке»! Половина пути была уже позади, и знакомый силуэт кузова стал проступать сквозь серую завесу, как за нашими спинами ударила вторая автоматная очередь! Меня она только морально подстегнула. А вот Саша, захрипев, неловко запрыгал вперёд на одной ноге, пока не упал на вытянутые руки! Не сбавляя скорости, я добежал до «копейки» и открыл заднюю дверь. Потом ползком вернулся к Саше. С помощью наших четырёх рук и трёх ног мы доползли до машины. Кое-как разместив Сашу на заднем диване, я вернулся за руль. Не слушающимися руками я вставил конденсатор и ключ. И всё это время я переживал только о том, чтобы третья очередь не прошла по капоту машины! Но выстрелов больше не было.

6

– Терпи, Сашка! Терпи! – твердил я ему, сплёвывая инопланетную пыль на бетонный пол ремонтного бокса. Саша терпел. Стонать он не мог, только хрипы вырывались из его сжатого побелевшего рта. Я снял резинку с налобного фонарика и туго повязал её под левым Сашиным коленом, а затем ножом стал снизу разрезать перехваченную штанину.

Намокшая от крови джинса поддавалась тяжело. Наконец, я освободил нужную часть голени, в которой кружок пулевого отверстия сочился красным и уже почернел по краям. Пуля вошла в икроножную мышцу, но не глубоко, так как я даже смог разглядеть доньшко её хвостовой части. Похоже, она зацепила Сашу уже на излёте, поэтому её ударной силы не хватило, чтобы дойти до кости. Это предположение меня успокоило, и я потянулся к бардачку за баночкой с нашим супер-гелем.

Всё это время Саша лежал на правом боку на заднем диване «копейки». Я осторожно нанёс гель на рану, а потом намазал им же Сашины виски. Через пару минут Саша отключился. Убедившись, что кровотечение остановилось, я накрыл Сашу пледом и стал ждать. Периодически поглядывая назад, я сидел в водительском кресле и пытался осмыслить произошедшее с нами. Кто и почему в нас стрелял? Как неизвестный стрелок в этом тумане умудрился попасть в цель? А главное – как он вообще оказался на Траве?! И ответы на все эти вопросы мне нужно было искать в недавнем прошлом.

7

Саша проспал более суток. Я тоже периодически подрёмывал, прерываясь только на то, чтобы подбросить дрова в печки и попить чайку. Поворочавшись на заднем сидении, Саша открыл глаза. С минуту он смотрел вокруг непонимающим взглядом, пока не вспомнил последние события. Он поморщился, но не от боли, а от воспоминаний. Я перегнулся назад через кресло и откинул угол пледа, укрывавшего Сашины ноги. Сквозь грязные бурые лоскуты штанины белела голень, на которой был виден розоватый кружок рубца с неровными краями. Наш

чудо-гель, как всегда, оказался на высоте! Саша подтянул левую ногу, чтобы тоже осмотреть рану, и на автомобильный коврик выпал какой-то маленький предмет. Саша достал его и протянул мне. Это была пуля. Пластиковая пуля!

В город мы вернулись, когда уже стемнело. Я специально отложил отъезд с РММ на более позднее время, чтобы не светить пятна крови на нашей одежде. Затащив велосипеды в квартиру, мы распределились по задачам: я запустил стирку, а Саша стал колдовать над ужином, так как последнее время в нём открылись неслабые кулинарные способности. Со своей задачей я справился быстрее и под доносившиеся звуки Сашиной возни на кухне, занялся изучением пули. Штангенциркуля у меня, к сожалению, не было, поэтому пришлось воспользоваться рабочей рулеткой. Длина пули оказалась чуть больше четырнадцати миллиметров, а диаметр у основания, в самом широком месте, больше пяти с половиной, но меньше шести миллиметров. Я с телефона зашёл в интернет и стал искать информацию по патронам, пулям и калибрам. После недолгого серфинга в сети я убедился, что пуля в моей руке, скорее всего, не отечественного производства. У наших были другие размеры и пропорции. Зато под патрон «5.56 x 45 NATO/.223 Remington» она подходила как родная!

Аппетит, и без того нечастый мой спутник, пропал окончательно. Но свою порцию макарон по-флотски я доел. Оставлять было нельзя. Саша, как и всякий повар, стал болезненно самолюбив в отношении своих блюд. Я поблагодарил его и пошёл в комнату укладываться спать. Но уснуть в эту ночь мне так и не удалось. Часок провалявшись, я встал и тихонько прошёл на кухню, чтобы попить воды. Саша сном младенца спал на надувном матрасе, издавая при этом звуки дельфиньей стаи. Казалось, что гель вытянул из него не только пулю, но и все волнения, тревоги и страхи последних дней. А вот моё внутреннее состояние говорило, увы, об обратном.

Я вернулся в комнату и достал письмо Ольги Николаевны. В свете ночника я перечитал его несколько раз, надеясь хоть между строчек увидеть подсказки, которых сейчас так не хватало. Очевидно, что Ольга Николаевна любила Евгения Петровича как женщина и просто боготворила его как своего научного руководителя. Даже боль от утраты единственного сына не смогла в итоге перевесить это чувство. Но в своей любви и преклонении она была наивна и отчасти слепа. Она безоговорочно отдавала монополию на изобретение и модернизацию устройства только одному Евгению Петровичу. Конечно, во многом это её убеждение было оправдано. Евгений Петрович действительно внёс решающий вклад в разработку «Блок-1», «Блок-2» и «Блок-3». Но и те трое учёных из его группы тоже могли создать рабочий образец устройства. И похоже, что смогли!

Из письма я вспомнил, что эти трое работали на задачей уменьшения массы устройства. То есть они занимались модификацией всего устройства в целом, а не отдельной его части. Так же они знали характеристики волнового диапазона, когда в период «партизанщины» переписывали опытные данные в журналах. Значит, в их руках было всё для создания собственного клона! Или не всё? Ведь, отрекшись от общей клятвы, они всё-таки предъявили Евгению Петровичу свои права на проектную документацию. Получив от него категорический отказ, они сообщили об этом своим новым хозяевам, а те, в свою очередь, наняли людей, которые взломали у Ольги Николаевны гараж. Вскрытие гаража нужного результата заказчикам не принесло. И Евгений Петрович уже сам попробовал поставить точку в этой истории: он сообщил бывшим коллегам о том, что уничтожил всю проектную документацию и единственный действующий экземпляр устройства. Поверили ли они ему, а главное – поверили ли в это их хозяева? Думаю, нет! Тогда им нужно было бы любой ценой склонить Евгения Петровича к сотрудничеству.

Я ни секунды не сомневался, что старик отдал бы жизнь за своё детище и за свои убеждения! Но новым распорядителям человеческих судеб он был нужен как раз живой, только более сговорчивый. И добиться его лояльности было несложно: достаточно было пригрозить распра-

вой над Сашей или Ольгой Николаевной. А реализовать эти угрозы при том уровне криминала, который накрыл всю страну в девяностые годы, была пара пустяков. Но ничего подобного не произошло. Ольга Николаевна писала, что после того разговора их оставили в покое. В моём понимании, это могло означать только одно – те учёные хоть и стали клятвопреступниками, но не стали подонками, которые ради собственной карьеры готовы были сломать жизни бывшим соратникам! Видимо, они сообщили своим новым работодателям, что больше не нуждаются ни в услугах Евгения Петровича, ни в документации, и что они самостоятельно разработают модификацию устройства, не уступающую по характеристикам «Блок-3». И судя по всему, они своё обещание выполнили. Стрелок, перемещённый на Траву с помощью их аппарата, передал нам горячий привет!

Мм-да... и Эльбы не было, и встреча не задалась. Но почему он сразу стал стрелять? Причём вот так: прицельно и на поражение? А поговорить? В конце концов, земная диаспора на этом участке Травы не настолько велика, чтобы знакомиться таким способом?! И дать ответы на эти вопросы можно только, если рассуждать в логике тех, на кого сейчас работали учёные-перебежчики и этот необщительный стрелок.

Предположим, что устройство, которым они сейчас располагают, является западной копией с советских разработок. Они знают, что последняя и самая мощная модификация устройства была успешно испытана русскими в период распада СССР. Они знают, что русские свернули дальнейшую работу в этом направлении, но костяк научной группы остался на родине. Они знают, что Евгений Петрович тогда был «в оппозиции» по отношению к новой власти. Но прошло уже более двадцати лет: дикие годы канули в лету, нефтедоллары потекли в страну рекой, а населению показали колбасно-джинсовое изобилие. И они не могли не рассматривать такой вариант, что главный мозг проекта вышел из тени и передал всю информацию российским властям. Следовательно, у русских должно быть средство прямой и обратной доставки людей и грузов на планету с синим солнцем. Западные «партнёры» также должны учитывать тот момент, что русские их в этом вопросе могут опережать. Значит, вероятность того, что на Траве уже работают российские учёные под крылом военных, была высока. Также они знали, что русские помнят про тех трёх учёных, а потому должны быть готовы к приёму «гостей», которые рано или поздно появятся на планете синего солнца.

Если всё так, то действия стрелка, обстрелявшего нас с Сашей, становились понятны. Инструкция, которую ему выдали наниматели, видимо, гласила так: любой человек на этой планете, не идентифицируемый системой «свой-чужой» как «свой», должен быть немедленно атакован. Потому что первый «чужой», который встретится на пути – это будет боец из внешнего периметра охраны научно-исследовательской базы русских. И этот боец будет действовать по аналогичной русской инструкции. Железобетонная военная логика: либо ты, либо тебя!

Конечно, мне было печально осознавать, что опять повторялась многовековая история: где бы ни появились люди, там вскоре начиналась пальба. И похоже, человечеству не скоро суждено избавиться от «дубины волосатого дикаря» в руках. Но из этих унылых философских сентенций было «не шить» даже один бронежилет, не говоря уже о двух!

Путь на Траву опять был заказан! Неизвестно сколько вооружённых рейнджеров сейчас рыскает в её тумане. И ведь все они готовы к столкновению с русским спецназом. Их отформатированные мозги даже не допускают мысли, что никакого русского спецназа на Траве нет! Что весь русский спецназ здесь – это я и Сашка – те ещё «головорезы» с позывными «Худой» и «Сиплый», вооружённые прутьями инопланетной арматуры!

Нам надо было как-то вооружаться. Но оружие – это не конденсатор и не складной велосипед. Его так просто в поисковой строке не забьёшь! Характер моих редких знакомств и безобидных интересов был настолько далёк от подобных запросов, что я просто не знал с какой стороны подойти к решению задачи. И остаток моей ночи прошёл в этих бесплодных раздумьях. А утром я встал не выспавшийся и злой.

Мы только позавтракали, как зазвенел мобильный. Звонил терзаемый похмельем Вадик. Он просил перечислить очередной платёж на пять дней раньше срока. Я ответил, что это возможно, но для начала хотел бы с ним поговорить с глазу на глаз. Через пару часов я был уже у него. Вадик был трезв и хмур, но, услышав мой вопрос, ещё больше посерьёзnel. Я озвучил легенду про стаю одичавших собак, которая завелась рядом с РММ. Якобы ствол нужен, чтобы их пугнуть, если вдруг свора решится напасть. Вадик сказал, что сможет посодействовать. Потом он понадувал щеки и выдавил из себя две суммы: задатка и окончательного расчёта. По общему ценнику выходила аренда за два месяца. Причём Вадик запросил наличные, и мне ещё пришлось топтать до ближайшего банкомата. Конечно, эта внеплановая трата расстраивала, но больше я переживал за то, чтобы Вадика после моего ухода не унесло в море дешёвых алкогольных грёз. Потом доказывай, что ты давал ему деньги. Расписку ведь в таком щепетильном деле не попросишь.

Мы договорились в это же время встретиться у него через два дня. И эти два дня я провёл в тревожном ожидании. Меня всё одолевали мысли о том как эти командос на Траве находят Бункер. Я приехал к Вадиду за час до назначенного времени. На удивление, он был трезв. Мы прошли на кухню, сели за стол, и Вадик пододвинул ко мне картонную коробку. Я осторожно снял крышку и увидел знакомый предмет. На школьных уроках НВП я хорошо запомнил марку этой гранаты – РГД-5. На мой немой вопрос Вадик поспешно стал оправдываться. Оказывается, достать ствол у него не получилось, зато он смог добыть гранату. И, мол, шугануть ей обнаглевших дворняжек можно так, что потом долго ни один бобик не сунется. Выслушав этот лепет, я окончательно разозлился и потребовал половину денег либо вернуть обратно, либо зачесть в счёт аренды за месяц. Вздыхнув, Вадик согласился на взаимозачёт.

Дома я показал приобретение Саше. По блеску, мелькнувшему в его глазах, я понял, что в глубине души он по-прежнему остаётся десятилетним пацаном. Я объяснил ему, что это нужно для защиты от тех, кто в него стрелял. Саша одобрительно закивал головой. Хотя ничего доброго в нашем положении не было. А была реальная возможность получить пулю в лоб после перемещения на Траву! Вопрос только: как быстро? Но и ждать дальше было невыносимо. Я предложил Саше «прыгнуть» сегодня ночью, и он, ни секунды не раздумывая, согласился! Я продумал план высадки и несколько раз проговорил его Саше. Из «копейки» мы будем выходить нырком на землю. Далее по-пластунски по прямой к склону, и уже вдоль него короткими перебежками к Бункеру. Я буду впереди с гранатой, а Саша за мной на отдалении. Комплект из ключа и конденсатора, который принадлежал Ольге Николаевне, Саша тоже возьмёт с собой. Если одного из нас подстрелят, то второй должен вернуться на Землю и обратиться в компетентные органы...

Наблюдательность меня не подвела. Предположение, сделанное мной в предыдущий и печальный для нас визит, реализовалось: вскоре после нашего бегства тут действительно разразился ливень. За эти дни почва успела просохнуть, но её верхний слой был ещё достаточно увлажнён, чтобы не превратиться в пыль. Испарений уже не было, потому что основную массу влаги высушило синее солнце. Поэтому на нашу беду видимость была отличная. Хорошо просматривалась не только ложбина, но даже метров пятьдесят полого склона выше неё. Я уже хотел поворачивать ключ на обратный запуск, как Сашка юзом нырнул в открытую дверь. Чертыхаясь, я сделал тоже самое. Пригнувшись, я побежал вперёд с гранатой в руке. Ползти при такой видимости уже не имело никакого смысла. Сашка тоже сориентировался и бежал в метрах трёх позади меня. Я был почти уже у склона, как услышал треск автомата. Обернувшись, я увидел ряд пылевых фонтанчиков, который шёл справа налево и должен был пересечь траекторию Сашкиного движения.

– Прыгай! – крикнул я ему. И Сашка рыбкой, как ожившая вяленая вобла, прыгнул к основанию склона. Не дав ему очухаться, я рывком поднял его на ноги, развернул в нужном направлении и подтолкнул в спину. До двери Бункера мы домчались в считанные секунды. Уже заходя за ободок, я услышал позади какое-то короткое баханье. Похоже, эти рейнджеры бросили гранату, когда зачищали подножье склона для безопасного спуска в ложбину.

По спиральной трубе мы спускались быстрым шагом. Бежать Сашка уже не мог. Дыхалка у него и в правду была ни к черту. В Бункере мы быстро прибрались: сложили миллиметровку и все чертежные принадлежности, собрали бутылки из под воды. Всё это мы отнесли в самое дальнее помещение. По пути Сашка ещё захватил два металлических стержня. Потом мы вернулись на середину длинного коридора и замерли, переглядываясь.

И тут стены Бункера мягко засветились на тон ярче, а потом также мягко вернулись к прежнему уровню свечения. Теперь мы знали, что внутри Бункера работает индикация открытия и закрытия двери. К нам шли гости с гостинцами калибра 5.56!

Мы притаились в одном из ближайших боковых отсеков. Уходить дальше я не рискнул, так как боялся, что не смогу точно метнуть гранату. Сашку я задвинул в дальний угол, а сам остался у проёма. И в почти гробовой тишине потянулись долгие и мучительные минуты ожидания.

Я на коленях сидел у стенки отсека рядом с трапециевидным проёмом. Разогнув предохранительные усики, я сжимал корпус гранаты и её рычаг в правой руке, а левой уже выдернул чеку. Меня слегка потряхивало, и я ещё раз прокрутил в голове свой бросок. Его нужно было сделать одной кистью, чтобы на уровне пола сильно катнуть гранату в сторону противника. Высовываться было нельзя, потому что они подстрелят меня быстрее, чем я успею бросить, и тогда граната превратит наше укрытие в братскую могилу. Поэтому нужно максимально резко и точно всё сделать, до того как пуля раздробит мне запястье.

Не знаю как, но я это почувствовал. Не было ни звука, ни движения воздуха, но я понял, что кто-то стоит в самом начале длинного коридора! Я одной шеей обернулся на Сашку. И он мне кивнул в ответ. Он тоже почувствовал чьё-то присутствие.

Первый по ходу боковой проём находился в шести-семи метрах от начала коридора. Мне нужно было подпустить врага ещё метра на три. Я мысленно сосчитал до пяти и метнул гранату. Звук металлического бочонка, покотившегося по каменному полу, прорезал тишину. И эта тишина, словно перекачанный шарик, лопнула целой какофонией звуков! На треск автоматной очереди наложилось многократное свистящее чирканье, которое сменилось вскриками и звуками падающих тел! Ещё несколько минут из коридора слышались возня, хрипы и стоны, перемежающиеся «факами» и «омайгадами». А потом всё стихло.

Я ещё минут пять слушал тишину, пока не решился выглянуть в проём. В коридоре в метрах двух друг от друга лежали два человека. На них были чёрные камуфляжные костюмы, армейские ботинки и сферические шлемы, закрывающие забралом верхнюю часть лица. У каждого бойца был автомат и дополнительный рожок магазина с патронами. Сначала я подошёл сам, а потом подозвал Сашку и аккуратно передал ему оружие. Автоматы были поразительно лёгкие, словно игрушечные, и когда Сашка их принимал, то не было характерного металлического позвякивания. В каждом из бойцов мы насчитали с пяток ранений. Они погибли от собственных пуль, срикошетивших от стен Бункера. А стрельбу их спровоцировала моя граната, которая целёхонькая лежала рядом. Вадик, гад, подсунил мне не боевой экземпляр! Но оно было к лучшему. Бункер убедительно показал, что использовать внутри него оружие выйдет себе дороже!

Камуфляж обоих бойцов пропитался кровью, и из-под каждого натекли красные лужи, которые в зеленоватом свечении Бункера смотрелись жутковато. Я нагнулся у изголовья первого трупа и откинул забрало шлема. Потом осторожно, чтобы не наступить на кровь, перешёл ко второму и тоже открыл его лицо. Оба покойника были азиатами. Неужели китайцы?! Я

даже живо представил: мы с Сашкой выходим из Бункера, а всю ложбину, насколько хватает глаз, занимают ровные ряды терракотовой армии! Но это странное видение было недолгим. Я вспомнил предсмертные стоны бойцов, их хрипы и ругательства. Это точно были не китайцы. Они проклинали свою участь на языке Микки Мауса, а у любого человека последние в жизни слова могут быть только на родном языке!

Я закрыл им глаза и вернул положение забрал в исходное состояние. У обоих на лобных частях шлемов были установлены миниатюрные камеры, которые крепились пластиковыми фиксаторами. И мне пришлось немало повозиться, чтобы их отцепить. Камеры были одинаковые, кроме глазка объектива и тонкого плоского разъёма на них ничего больше не было: ни кнопки включения, ни светодиода индикации. Похоже, они всё это время работали на запись. Что ж, если к ним подобрать подходящий шнурок, то тогда удастся посмотреть видеохронику их последнего задания. И возможно, даже увидеть их базу на Земле и тех, кто их сюда послал!

Я убрал камеры в карман и посмотрел на часы. Уже пора было возвращаться. Но снаружи могла ждать вторая группа рейнджеров! Я вернулся к ближайшему трупу и пощупал не испачканный кровью край камуфляжа. Их одежда была тонковата и явно не рассчитана на синий зной. Значит, придётся потерпеть и выходить из Бункера мы будем через пятнадцать минут после восхода! Наши новые «друзья» здесь не впервые, поэтому тоже знают, что с синим солнцем шутки плохи. И выбираться из ложбины, этой естественной «кастрюли», они начнут ещё по сумеркам. Лишь бы приветов в виде мин и растяжек не оставили, но тут уж синий свет нам в помощь.

С автоматами наизготовку мы вышли из Бункера. Я шёл спереди, а Саша за мной. Видимость по-прежнему была отличной. «Копейка» стояла на том же месте. Осмотревшись, я убедился, что в ложбине нет ничего подозрительного. Но возвращаться мы стали длинным путём – по катетам воображаемого треугольника – сначала вдоль края ложбины, а потом по прямой к машине. В середине первого отрезка пути мы миновали небольшую воронку и часть склона, изуродованную взрывом.

Глаза заливало потом, и я как мог всматривался себе под ноги, но ничего кроме редкой травы, песчаного грунта и маленьких камушков не примечал. До самой машины мы шли спина к спине, как тянитолкай Чуковского. Только я шёл задом наперёд, держа на прицеле пологий склон возвышенности над ложбиной. Наконец, мы ввалились в парник салона, и «копейка», насытившаяся ультрамариновой энергией, перенесла нас в хмурое зимнее утро.

– Хочешь полюбить русскую зиму? Спроси меня как! – пошутил я, вынимая ключ зажигания и конденсатор.

9

В городе мы заехали в хозяйственный магазин. Там я купил два дождевика и штыковую лопату, чем немало позабавил продавщицу и подсобного рабочего, который тёрся возле неё. Дома мы наскоро позавтракали и легли спать. После пережитого стресса нужно было взять часов пять-шесть полноценного отдыха, ведь ночью снова предстояло «прыгать». Проснулся я в три часа дня, а минут через сорок поднялся Сашка. На обед, он же ужин, нам бог послал густую наваристую кашу, которую мы запили: я крепким кофе, Сашка тёплым чаем. Потом мы быстро собрались.

По пути на РММ я всё думал о логике действий тех рейнджеров, трупы которых сейчас лежали в Бункере. Конечно, из меня ещё тот эксперт, учитывая мой личный опыт организации и ведения диверсионно-разведывательных операций. Но всё равно они вели себя странно, как-то не по-американски что ли. На мой недлинный век выпало уже несколько войн, которые победоносно провёл «оплот демократии» по всему миру. И все они, как под копирку, были по одному сценарию – дистанционное избиевание младенцев. Сначала массивированные авиационные

и ракетные удары приводят противника в чувство, а потом в дымящиеся руины заходит ограниченный контингент со звёздно-полосатыми шевронами на рукавах.

То, что эти двое стали нас преследовать было объяснимо. Своим трусливым бегством мы вызвали в них охотничий азарт. Не исключено также, что они и их командиры были убеждены: раз русские «проиграли» им на родной планете, то и здесь должны тоже подвинуться, а лучше убраться восвояси к снегам и медведям! Но почему эти двое полезли в Бункер? Они же понимали, что обнаружили высокотехнологичное инженерное сооружение, которое может скрывать в своих недрах что угодно! Почему тогда не вызвали мощное подкрепление, ведь обеспечение кратного военного перевеса в месте конфликта их излюбленная тактика? Почему не запустили в трубу робота на колёсиках и с телекамерой? Почему легковооружённые и без средств защиты пошли вдвоём? Откуда этот почти что русский кураж, противоречащий западному прагматизму и высоким стандартам личной безопасности? Загадка...

Но гадай не гадай, а тех парней надо похоронить. На роль морга Бункер совсем не подходил, да и нам ещё в нём работать и работать. Я достал автоматы из багажника «копейки» и перевёл их в режим одиночной стрельбы. Потом мы с Сашкой в соседнем боксе сделали по паре выстрелов, чтобы просто почувствовать в руках это боевое оружие, из которого нам, возможно, придётся стрелять по-настоящему. Сашку я проинструктировал насчёт поиска подходящего места для захоронения рейнджеров. Нам нужно будет подняться на возвышенность, так как почвенный слой на дне ложбины слишком тонок. Разумеется, всё это в том случае, если нас не встретит засада противника. Тогда мы либо отступаем к машине, либо прорываемся к Бункеру, в зависимости от команды, которую подам я. А выходить будем так: Сашка первым, а я прикрывающим. На том и порешили.

Сказать, что было страшно, значит, не сказать ничего! Но, видимо, высшие силы решили, что с нас пока достаточно кровавых приключений. Ни в ложбине, ни на возвышенности нас никто не ждал. Пригибаясь, мы рысью добежали до того места, где раньше останавливалась «копейка». Весь этот забег у меня за поясным ремнём болталась штыковая лопата, и я с удовольствием освободился от этого груза, применив его по прямому назначению. Я переходил с места на место и копал в глубину, пока высота лунки не составила четыре штыка. Подходящее место для могилы нашлось в том самом сегменте, который я несколько месяцев назад маркировал первым.

Я уже принялся расширять лунку, как Сашка издал адресованный мне короткий сип и залёг! Я сделал то же самое и подтянул за ремень автомат. Сашка движением головы показал налево. Там метрах в пятидесяти ниже по склону стоял странный объект. Это была небольшая каплевидная капсула, очень похожая на кабину частного маленького вертолётка, у которого отрубили хвост и пропеллеры. Признаков жизни в самой капсуле и рядом с ней не наблюдалось. Убедившись, что она пуста, мы решились подойти ближе.

Даже на расстоянии двух метров капсула производила впечатление очень лёгкой конструкции. Она, похоже, была целиком из пластика и стояла на трёх опорах. Днище у капсулы было заметно толще стенок, и я сделал вывод, что само устройство и батареи находятся именно в нём. За полупрозрачным пластиком, который играл роль лобового и боковых стёкол, виднелись контуры одного общего сиденья и верхней части приборной панели. Как открывалась и управлялась эта коробочка было непонятно. Но наши «Чип» и «Дэйл» переместились именно на ней, значит, инструменты управления должны быть при них. Меня передёрнуло от мысли, что придётся шарить по их карманам, подзадубевшим от высохшей крови. Но что поделаешь, ведь наша похоронная миссия подходила к своей самой неприятной фазе: транспортировке трупов к месту упокоения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.